

УДК 82(901)

Н. Ю. Костенко

«ГРЕЧЕСКИЙ РОМАН» В ПЕРЕПИСКЕ О. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ И С. А. ЖЕБЕЛЁВА

Наталья Юрьевна Костенко —
научный сотрудник.

Институт высших гуманитарных исследований им. Е. И. Мелетинского, Российский государственный гуманитарный университет. Адрес: Российская Федерация, 125993, Москва, Миусская площадь, д. 6.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7137-6919>.

E-mail: n.kostenko71@mail.ru

 Аннотация. Статья посвящена переписке академика С. А. Жебелёва и его ученицы О. М. Фрейденберг в 1926–1940 годы. Четыре письма Жебелёва сохранились в архиве Фрейденберг, хотя она обычно не хранила входящую корреспонденцию, а при формировании своего архива письма и другие документы вносила в мемуары и затем уничтожала. Анализ архивных материалов и биографии Фрейденберг показывает, что сохранившаяся переписка прямо или косвенно касается очень важной для обоих корреспондентов темы — началу работы Фрейденберг под руководством Жебелёва над греческим апокрифом «Деяния Павла и Фёклы», которая стала основой ее будущей диссертации «Происхождение греческого романа» и сыграла решающую роль в формировании ее литературной теории.

 Ключевые слова: О. М. Фрейденберг, С. А. Жебелёв, Санкт-Петербургский университет, греческий роман, «Деяния Павла и Фёклы»

Ссылка для цитирования: Костенко Н. Ю. «Греческий роман» в переписке О. М. Фрейденберг и С. А. Жебелёва // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 2. С. 203–215.

DOI: 10.17323/2658-5413-2021-4-2-203-215

Примерно в 1947 году, лишенная возможности сказать слово в печати, Ольга Михайловна Фрейденберг (1890–1955) приняла решение готовить свой архив. Пережив блокаду, во время которой в страшных мучениях умерла ее мать, она пребывала в глубоком душевном кризисе и задумывалась о судьбе своих неизданных работ: «Можно замалчивать или не читать столетиями; автор может истлеть, не дождавшись радостей ученого; и все же книга живет вместо него, а у нее терпение вне времени. И настает день. Книгу читают. Она побеждает время и людей. Она потрясает, свежая и молодая. Но если не печатают... С чем умереть?»¹. Она приводит в порядок бумаги, дописывает незавершенные работы и пишет задуманные, а в обширном мемуарно-дневниковом комплексе «Пробег жизни» воссоздает свой научный путь на основе сохранившихся документов, записных книжек, писем, а иногда и собственных стихов. Документы и письма переписывались, вкладывались или вшивались в записки, занимая иногда до половины объема мемуарных тетрадей. Таким образом, архив должен был состоять в основном из подготовленных к публикации научных трудов и автобиографических записок².

Ольга Михайловна Фрейденберг. Фотография. Ленинград, предположительно 1920-е годы

¹ Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 24 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 157. Folder 1. [Л. 41].

² См. (Костенко, 2017; 2021).

Письма и другие документы, не использованные в мемуарах, сохранились выборочно или случайно. Обычно переписанные документы Фрейденберг уничтожала, а если какой-то из них был переписан не полностью, перечеркивала его использованную часть. Целенаправленно она оставила только перевязанные золотой лентой письма Бориса Пастернака, понимая их выдающееся значение (Брагинская, Пастернак Е. В., Пастернак Е. Б., 1988: 202; Брагинская, 2017: 13; 2019: 160), и некоторые — Леонида Пастернака. Исключение также было сделано для четырех писем ее университетского учителя С. А. Жебелёва, при том что некоторые из них были переписаны в мемуары (Костенко, 2017: 120–121).

В университет Фрейденберг пришла осенью 1917 года, когда он стал доступен для женщин, — сначала вольнослушателем, и только с марта 1919 года настоящей студенткой. Сложный путь своего образования она подробно описала в воспоминаниях и письмах-отчетах своей гимназической учительнице О. В. Орбели и гимназической подруге Е. С. Лившиц (Фрейденберг, 1991; Костенко, 2018; Брагинская, Костенко, 2019). Смерть в октябре 1918 года преподавателя по древнерусской литературе А. К. Бороздина, уход от «литературных дел мастера» С. А. Венгерова и увлечение греческим языком в преподавании И. И. Толстого предопределили ее переход на классическое отделение и начало занятий у С. А. Жебелёва³.

Как вспоминала Фрейденберг, в послереволюционное время на классическом отделении университета было две школы: «Зелинского⁴ — “интересная”, “идейная”, с “эллинской красотой” и “вчувствованьем”, сильно опошленная модернизатором Зелинским, но очень “интеллигентная” и “поэтическая”; и вторая — Жебелева, сухая фактология, строгая, серьезная, “без мыслей”. <...> Так как Зелинского я не выносила, то меня отбросило к Жебелеву» (Фрейденберг, 1991: 152).

Сергей Александрович Жебелёв (1867–1941) — филолог-классик, историк, эпиграфист, археолог, профессор Петербургского университета, преподавал также в художественных училищах, действительный член Российской акаде-

³ Бороздин Александр Корнилиевич (1863–1918) — литературовед и историк литературы; изучал русские религиозные течения; Венгеров Семен Афанасьевич (1855–1920) — литературовед и библиограф, руководитель Пушкинского семинария в Петербургском университете, в 1918/1919 году читал общий курс «История русской литературы XVIII–XIX вв.» и вел просеминарию «Пушкин и его время» и «Мир Достоевского»; Толстой Иван Иванович (1880–1954) — филолог-классик, первый преподаватель греческого языка у Фрейденберг, будущий академик (1946). Подробнее см.: (Фрейденберг, 1991: 149–154; Костенко, 2018: 140–142).

⁴ Зелинский Фаддей Францевич (1859–1944) — российский и польский филолог-классик, переводчик древнегреческой литературы, популяризатор античности, профессор Петербургского, а с 1918 года — Варшавского университета. В 1922 году эмигрировал в Польшу. — *Здесь и далее примеч. авт. статьи.*

мии художеств и член-корреспондент Российской академии наук. Его научная карьера складывалась не так успешно и стремительно, как его друга и коллеги М. И. Ростовцева, но после революции и эмиграции последнего в 1918 году Жебелёв оказался одним из немногих в стране крупных антиковедов. Он причислял себя к «фактопоклонникам», основной задачей которых, по его мнению, было критическое изучение литературных, документальных, вещественных источников и установление на основе этого конкретных фактов, поскольку «в установлении фактов заложены фундамент, цель и назначение научного знания — узнать истину или, по крайней мере, подойти, приблизиться к ее познанию» (Жебелев, 1993: 180)⁵.

Фрейденберг стала заниматься у Жебелёва не позднее осени 1918 года. Однако в воспоминаниях она называет следующий год: «1919 год был для меня очень важным. Самым важным. В этом году я начала заниматься у Жебелева» (Фрейденберг, 1991: 153). Скорее всего, это не ошибка: за точку отсчета взята дата начала работы над апокрифическими «Деяниями Павла и Фёклы». Книга с греческим текстом апокрифа осталась у Фрейденберг на время ее долгой болезни осенью 1919 года, и она стала его изучать: «Я, от нечего делать, вчитывалась в этот текст. Он пленял меня. Еще бы! Деяния начинались с того, как Фекла замороженно внемлет своему учителю, Павлу. Апокриф говорил мне. Я ощущала его любовный, языческий аромат, его художественность. Бороздин, Жебелев, Толстой, Буш⁶. Мои учителя, мой весь маршрут ума и сердца. Все привело меня к Фекле и поставило у ее окна»⁷. Потом была голодная и холодная зима 1919/1920 года. Университет был почти закрыт. Фрейденберг осталась без научного руководства и работала самостоятельно (Брагинская, Костенко, 2019: 190–193). Это по достоинству сумел оценить Жебелёв, когда весной 1920 года она представила ему и Бушу свои исследования:

⁵ Подробнее о фактопоклонниках см. (Кириллова, 2020). Фигура академика Жебелёва с начала 1990-х годов привлекает особое внимание историков науки, что связано в том числе с его положением в послереволюционной России: он не только избежал эмиграции, пережил революцию и Гражданскую войну, но и продолжил заниматься античной древностью и смог обеспечить преемственность русского и советского антиковедения. См., напр.: (Тункина, 2000; Фролов, 2000; Шишкин, 2003; Ananiev, Bukharin, 2018; Карпюк, Кулешова, 2018a; Карпюк, Кулешова, 2018b; Ананьев, Бухарин, 2020a; Ананьев, Бухарин, 2020b; Кириллова, 2020).

⁶ Буш Владимир Владимирович (1888–1934) — литературовед, библиограф, фольклорист, краевед, сотрудник Книжной палаты, участник Пушкинского семинара Венгерова, участвовал в создании Ташкентского университета (1920–1922) и в работе Саратовского университета (1924–1931). После смерти Бороздина Фрейденберг слушала курс древнерусской литературы у Буша. Подробнее см.: (Костенко, 2018: 143–144; Брагинская, Костенко, 2019: 192–193).

⁷ Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 4 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family papers. Box 155. Folder 5. [Л. 12 об.].

Жебелев, сам проведший кошмарную зиму, сказал, что получил такую радость, которая заставила его забыть все невзгоды и жить полной жизнью. Был высокий и патетический момент, когда он утешал меня и указывал на высшее счастье, которым отныне я должна быть счастлива. Все неудачи мои, сказал он, залог моего успеха; то, что я была одна и без чьей-либо помощи, должно дать мне удовлетворение, потому что я прошла сложный путь самостоятельно и вынесла большее, чем пятилетнее университетское ученье. Этот холодный и сдержанный человек раскрылся; моя душа радостно отдалась ему, и мы оба были взволнованы и очень искренни. Его два-три указания сразу ввели меня в русло, отмели все лишнее, разрешили все сомнения.

(Там же: 191–192)

Но кратковременный успех снова сменился неудачами: для того чтобы продолжать работу на славянско-русской почве, нужны были рукописи, хранящиеся в Синодальной библиотеке в Москве. Но несмотря на выделенные Академией наук и Университетом по представлению Буша и Жебелёва деньги на командировку, поездка так и не состоялась: нужные рукописи были переданы в Исторический музей и стали недоступны (там же: 192–193). Кроме того, профессор Буш был переведен в Ташкентский университет. Фрейденберг стала работать с греческим оригиналом апокрифа под руководством Жебелёва. Однако и здесь возникли трудности: «Меня все больше и больше мучило невысказанное чувство к моему памятнику: я словно знала, что он собой представлял, но определить не умела»⁸. Жебелёв предложил делать комментарий к апокрифу, реальный, религиозный, языковой, археологический и т. п., думая, что доскональное изучение памятника поможет понять его. Фрейденберг работала в Публичной библиотеке и перечитывала горы разнообразных источников, справочников, монографий:

Сколько я работала, сколько рылась, сколько знала! Тут всевозможные месяцесловы, акты, жития, Минеи, апокрифы; тут розыски в сербских и болгарских словарях, различные издания и комментарии, тексты, тексты без конца. <...> И вдруг все годы, все муки, все книги взлетели в моем мозгу пламенным вихрем, и одна единственная мысль отделилась и вышла из моего нутра, как выходит давно проглоченный предмет — в неожиданно законченном виде. Эта мысль была: греческий роман. И я почувствовала глубочайшее волнение, но в еще большей степени — чувство беспрекословной истинности. В тот же день

⁸ Там же. [Л. 36].

я сделала доклад Жебелеву. <...> С трудом я раздобыла лапидарные доказательства своего прозренья. Из каких подвалов сознания попала ко мне эта мысль? Доклад, который я сделала Жебелеву, перевернул старика: он почувствовал дыхание науки. Боже мой, как он был счастлив, как был взволнован, какой свежей, молодой, чувствительной оказалась душа этого каменного человека! Как он хвалил меня! Какие сильные слова нашел для меня! Чисто по-русски он принялся каяться при всей аудитории, и кричал, стуча кулаком по столу:

— Я ее мучил! Я заставлял ее делать огромную, тяжелую и бесплодную работу! Но она одолевала все искусы!

С моей основной мыслью он сразу же согласился, — как для того времени это ни было спорно и маловероятно⁹.

Фрейденберг продолжила работать над апокрифом, определенным ею как греческий роман, и над самим жанром греческого романа. В отличие от Эрвина Роде (Rohde, 1900) она рассматривала не его развитие, а генезис, и, опираясь на тщательное изучение имен двух персонажей — Фамирида, жениха Фёклы, и Фалькониллы, умершей дочери царицы Трифены, покровительницы Фёклы, — пришла к выводу, что «в анамнезе» сюжетной схемы греческого романа содержится образная система сказаний, окружающих культы богов плодородия.

Эта часть работы для Жебелёва имела важную научную ценность, потому что оставалась в понятных ему пределах историко-литературного метода и устанавливала новые факты. Дальнейшее же исследование греческого романа не вызвало в нем ни понимания, ни поддержки.

В воспоминаниях Фрейденберг приводит оценку Жебелёвым готовой работы: «Я вполне одобряю вашу работу. Но это я, потому что я сам “фактопоклонник”, и такой был мой покойный учитель, Федор Федорович Соколов. Ваша работа переполнена матерьялом, фактов чересчур много, они еще не утрамбованы. Но, все же, беда у вас одна: фактов много, но ни одной мысли! Повторяю, я-то умею это ценить, и сам таков. Но надо было провести сквозь работу хоть одну мысль!»¹⁰.

Жебелёв был категорически против того, чтобы Фрейденберг использовала эту работу в качестве диссертации. Основное препятствие он видел, возможно,

⁹ Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 4 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family papers. Box 155. Folder 5. [Л. 34 об., Л. 44 об. — 45 об.]. Подробнее о работе Фрейденберг «Происхождение греческого романа» см. (Брагинская, 2010).

¹⁰ Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 5 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family papers. Box 155. Folder 6. [Л. 54].

не столько в том, что защиты были отменены, как и все прежние степени и звания, и он не хотел содействовать их легализации при новой власти, сколько в том, что работа казалась ему слишком масштабной для магистерской (=кандидатской) диссертации, чересчур смелой, а выводы — труднодоказуемыми и не опирающимися на научные авторитеты. Он склонен был считать, что работа в целом обнаруживает ученость, показывает трудолюбие и любознательность автора и не более того. Если бы Фрейденберг ограничилась первыми двумя главами, в которых содержались анализ «Деяний Павла и Фёклы» и квалификация этого сочинения как романа по жанру (к чему западная наука пришла только в конце XX века (Брагинская, 2010)), то Жебелёв был бы готов отвечать за такую работу. Но происхождение греческого романа — это было для него «слишком»¹¹.

Для Фрейденберг такая оценка Жебелёвым ее работы была важна, чтобы в конечном счете определить собственный метод исследований, который она совершенствовала всю последующую жизнь: «Ценные указания пр. С. А. Жебелева и здесь еще раз потребовали дополнительного пересмотра всей работы, но, на этот раз, уже окончательного и необходимого для меня самой: указание, что в моей работе нет “происхождения”, движения от начала к концу — это указание открыло мне глаза на мой метод»¹². «Происхождением» от начала к концу Фрейденберг называет историю готового явления. Ее же метод занимается генезисом как возникновением нового из иного. Священные сказания не развились в греческий роман, но роман возник на их образной, семантической основе.

В воспоминаниях Фрейденберг при описании момента, когда после очередного доклада об апокрифе Жебелёв сказал: «Ваша работа показала мне, что вы прирожденный научный работник. Вы не можете понять этого чувства — когда держишь в руках работу и видишь рождение будущего ученого. Этого волнения вы понять не можете»¹³, — используется слово «увертюра»¹⁴. Этим музыкальным термином Фрейденберг обозначает «этап краткого осуществления всего смысла явления. Осуществление забывается, занавес падает, и

¹¹ Жебелев С. А. Отзыв о сочинении О. М. Фрейденберг «Происхождение греческого романа» // РГАЛИ. Ф. 211 (Л. К. Ильинский). Оп. 1. Д. 358. Л. 1–6.

¹² Фрейденберг О. М. Предисловие // Архив О. М. Фрейденберг, Москва. Происхождению греческого романа. Л. 4.

¹³ Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 5 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family papers. Box 155. Folder 6. [Л. 2–2 об.].

¹⁴ «Увертюра моей научной судьбы открывалась мотивами, которые потом подробно разыгрывались в течение всех актов моей научной жизни» (там же. [Л. 2 об.]).

все начинает разворачиваться с теми же лейтмотивами и переходами заново» (Брагинская, 2019: 165).

Работа над «Деяниями Павла и Фёклы» и происхождением греческого романа, начатая в семинаре Жебелёва, определила ее научный путь и сыграла решающую роль в формировании литературной теории:

Все могло впоследствии быть обмануто. Но чувство значительности этой работы и ее объективной ценности обмануто быть не могло: за ним стояло самое глубокое, что есть на свете. <...> Вся последующая научная жизнь представляла во мне только сплошной греческий роман, хотя я больше и не писала о нем. Но, какие бы проблемы я ни ставила, я всегда попадала в проблему греческого романа, верней, в тот круг обольщений и волнений, который обвела вокруг меня моя первая научная работа. Матерьял мог меняться, как люди вокруг меняются; но проблемы и понимания оставались, как остается своя личность¹⁵.

Жебелёв присутствовал при рождении этой работы и высоко оценил первые шаги молодого ученого. Хотя их пути в дальнейшем разошлись, Фрейденберг продолжала посещать его семинар, а впоследствии пригласила на возглавляемую ею кафедру в ЛГУ и попросила быть оппонентом своей докторской диссертации, от проблематики которой Жебелёв был, конечно, далек.

Публикуемые ниже письма не относятся ко времени работы над апокрифом «Деяниями Павла и Фёклы», которая велась в 1919–1922 годах, но так или иначе связаны с ним:

- письмо Фрейденберг о семинаре Жебелёва, в котором проходила ее работа над «Деяниями» и который она вынуждена была из-за занятости покинуть;
- письмо Жебелёва об отзыве Гарнака о правильном понимании Фрейденберг «Деяний Павла и Фёклы»;
- поздравление Жебелёва с выходом первой печатной работы, основанной на главе диссертации с анализом Фамирада;
- его отзыв о второй публикации — статье об «Одиссее», которая писалась параллельно с работой над «Происхождением греческого романа»;
- наконец, в юбилейном поздравлении Фрейденберг и ответе Жебелёва оба корреспондента с большой теплотой вспоминают время работы над апокрифом.

¹⁵ Там же. [Л. 27–28].

Литература

Ананьев, Бухарин, 2020а — Ананьев В. Г., Бухарин М. Д. С. А. Жебелёв в системе советской науки (по материалам новых архивных документов). Часть I. 1913–1927 // Вестн. древней истории. 2020. Т. 80, № 2. С. 497–512. DOI: 10.31857/S032103910009669-8.

Ананьев, Бухарин, 2020b — Ананьев В. Г., Бухарин М. Д. С. А. Жебелёв в системе советской науки (по материалам новых архивных документов). Часть II. 1927–1932 // Вестн. древней истории. 2020. Т. 80, № 3. С. 753–774. DOI: 10.31857/S032103910010641-8.

Брагинская, 2019 — Брагинская Н. В. Друзья, университет, учителя, коллеги, наука, жизнь в общем в письмах Ольги Михайловны Фрейденберг // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2, № 2. С. 159–171. DOI: 10.17323/2658-5413-2019-2-2-159-171.

Брагинская, Костенко, 2019 — Брагинская Н. В., Костенко Н. Ю. Ольга Михайловна Фрейденберг. Письма 1911–1940 гг. // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2, № 2. С. 172–204. DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-2-172-204.

Брагинская, 2010 — Брагинская Н. В. Мировая безвестность: Ольга Фрейденберг об античном романе // Национальная гуманитарная наука в мировом контексте: опыт России и Польши. М.: ГУ ВШЭ, 2010. С. 34–62.

Брагинская, Пастернак Е. В., Пастернак Е. Б., 1988 — Брагинская Н. В., Пастернак Е. В., Пастернак Е. Б. [Предисл. к: Борис Пастернак — Ольга Фрейденберг. Письма и воспоминания] // Дружба народов. 1988. № 7. С. 201–208.

Брагинская, 2017 — Брагинская Н. В. «У меня не жизнь, а биография» // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 4 (25). С. 11–38.

Жебелев, 1993 — Жебелев С. А. [Предисловие к автонекрологу]; Автонекролог / [публ. и коммент. И. В. Тункиной, Э. Д. Фролова] // Вестн. древней истории. 1993. № 2. С. 173–201.

Карпюк, Кулешова, 2018а — Карпюк С. Г., Кулешова О. В. Академик С. А. Жебелёв, последние годы: стенограмма заседания академических институтов в Ташкенте 31 января 1942 г. // Вестн. древней истории. 2018. Т. 78, № 1. С. 88–112.

Карпюк, Кулешова, 2018b — Карпюк С. Г., Кулешова О. В. Предвоенная древняя история: С. А. Жебелёв и советско-германские научные связи в 1939–1941 гг. // Вестн. древней истории. 2018. Т. 78, № 2. С. 389–404.

Кириллова, 2020 — Кириллова М. Н. «Я — фактопоклонник»: С. А. Жебелёв и советская наука о древности в начале 1930-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11, вып. 1 (87). URL: <https://history.jes.su/s207987840008205-4-1/> (дата обращения: 13.04.2021). DOI: 10.18254/S207987840008205-4.

Костенко, 2021 — *Костенко Н. Ю.* Архив О. М. Фрейденаберг как интенция: мотивы и целеполагание // Шаги/Steps. 2021. Т. 7, № 1. С. 168–182. DOI: 10.22394/2412-9410-2021-7-1-168-182.

Костенко, 2018 — *Костенко Н. Ю.* Три письма Ольги Фрейденаберг // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 3 (36). С. 138–152.

Костенко, 2017 — *Костенко Н. Ю.* Четыре письма О. М. Фрейденаберг // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 4 (25). С. 142–148.

Тункина, 2000 — *Тункина И. В.* «Дело» академика Жебелева // Древний мир и мы. СПб.: Алетейя, 2000. Вып. 2. С. 116–161.

Фрейденаберг, 1991 — *Фрейденаберг О. М.* Университетские годы / публ. и коммент. Н. В. Брагинской // Человек. 1991. № 3. С. 145–156.

Фролов, 2000 — *Фролов Э. Д.* Сергей Александрович Жебелёв // Портреты историков. Время и судьбы. В 2 т. / отв. ред. Г. Н. Севостьянов, Л. И. Маринович, Л. Т. Мильская. М., Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. Т. 2: Всеобщая история. С. 16–27.

Шишкин, 2003 — *Шишкин В. А.* Академик С. А. Жебелёв и его конфликт с партией и научной бюрократией (1928 г.) // Русская наука в биографических очерках / ред. Э. И. Колчинский, И. П. Медведев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 288–295.

Ananiev, Bukharin, 2018 — *Ananiev V. G., Bukharin M. D.* Academician S. A. Zhebelev and State Hermitage // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2018. Vol. 11. P. 43–70.

Rohde, 1900 — *Rohde E.* Der Griechische Roman und seine Vorlauffer. 2. Aufl. Leipzig: Breitkopf und Hartel, 1900. XIX, 617 s.

Архивы

Архив О. М. Фрейденаберг, Москва;

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства;

Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers.

© Костенко Н. Ю., 2021

“GREEK NOVEL” IN THE CORRESPONDENCE BETWEEN
O. M. FREIDENBERG AND S. A. ZHEBELEV

Natal'ia Iu. Kostenko — Research Fellow.

The E. M. Meletinsky Institute of Higher Studies in the Humanities, Russian State University for the Humanities. Address: 6 Miuskaya Sq., Moscow, 125993, Russian Federation.

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7137-6919>

E-mail: n.kostenko71@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the correspondence between Academician S. A. Zhebelev and his student O. M. Freidenberg in 1926–1940. Four of Zhebelev's letters were preserved in the Freidenberg archive, although she usually did not store incoming correspondence, but on forming her archive, she copied letters and other documents into memoirs and then destroyed them. Analysis of the archival materials and biography of Freidenberg shows that the preserved correspondence directly or indirectly relates to a very important subject for both correspondents — the beginning of Freidenberg's work under the guidance of Zhebelev on the Greek apocrypha “Acts of Paul and Thecla”, which became the basis for her future dissertation “The Origin of the Greek Novel” and played a decisive role in development of her literary theory.

Keywords: O. M. Freidenberg, S. A. Zhebelev, St. Petersburg University, Greek Novel, “The Acts of Paul and Thekla”

For citation: Kostenko, N.Iu., 2021. “Greek Novel” in the Correspondence Between O.M. Freidenberg and S.A. Zhebelev’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 4(2), pp. 203–215. (In Russ.)

DOI: 10.17323/2658-5413-2021-4-2-203-215

References

Ananiev, V.G. & Bukharin, M.D., 2018. ‘Academician S.A. Zhebelev and State Hermitage’, *Journal of Modern Russian History and Historiography*, 11, pp. 43–70.

Ananiev, V.G., Bukharin, M.D., 2020a. ‘S.A. Zhebelev v sisteme sovetskoi nauki (po materialam novykh arkhivnykh dokumentov). Chast' I. 1913–1927’ [‘S.A. Zhebelev in the System of Soviet Science (Based on New Archival Findings). Part I. 1913–1927’], *Vestnik drevnei istorii*, 80(2), pp. 497–512. doi: 10.31857/S032103910009669-8

Ananiev, V.G., Bukharin, M.D., 2020b. 'S.A. Zhebelev v sisteme sovetskoï nauki (po materialam novykh arkhivnykh dokumentov). Chast' II. 1927–1932' ['S.A. Zhebelev in the System of Soviet Science (Based on New Archival Findings). Part II. 1927–1932'], *Vestnik drevnei istorii*, 80(3), pp. 753–774. doi: 10.31857/S032103910010641-8

Braginskaya, N.V., 2010. 'Mirovaya bezvestnost': Ol'ga Freidenberg ob antichnom romane' ['World Obscurity: Olga Freidenberg on the Antique Novel'], in *Natsional'naya gumanitarnaya nauka v mirovom kontekste: opyt Rossii i Pol'shi* [National Humanities in a Global Context: The Experience of Russia and Poland]. Moscow: GU VShE Publ., pp. 34–62.

Braginskaya, N.V., 2017. "U menya ne zhizn', a biografiya" ["What I am going through is not Life, it is Biography"], *Vestnik RGGU. Seriya "Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie"*, (4), pp. 11–38.

Braginskaya, N.V., 2019. 'Druz'ya, universitet, uchitelya, kollegi, nauka, zhizn' v obshchem v pis'makh Ol'gi Mikhailovny Freidenberg' ['Friends, University, Teachers, Colleagues, Science — Life in toto in the Letters by Olga Michailovna Freidenberg'], *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 2(2), pp. 159–171. doi: 10.17323/2658-5413-2019-2-2-159-171

Braginskaya, N.V., Kostenko, N.Yu., 2019. 'Ol'ga Mikhailovna Freidenberg. Pis'ma 1911–1940 gg.' ['Ol'ga Mikhailovna Freidenberg. Letters 1911–1940'], *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 2(2), pp. 172–204. doi: 10.17323/2658-5413-2019-2-2-172-204

Braginskaya, N.V., Pasternak, E.V., Pasternak, E.B., 1988. 'Predislovie k: Boris Pasternak — Ol'ga Freidenberg. Pis'ma i vospominaniya' ['Foreword to: Boris Pasternak — Olga Freidenberg: Letters and memoirs'], *Druzhba narodov*, (7), pp. 201–208.

Freidenberg, O.M., 1991. 'Universitetskie gody' ['University Years'], publ. and comments by N.V. Braginskaya, *Chelovek*, (3), pp. 145–156.

Frolov, E.D., 2000. 'Sergei Aleksandrovich Zhebelev' ['Sergey Alexandrovich Zhebelev'], in Sevast'yanov, G.N., Marinovich, L.I., Mil'skaya, L.T. (eds) *Portrety istorikov. Vremya i sud'by: v 2 tomakh. Tom 2: Vseobshchaya istoriya* [Portraits of Historians. Time and Destinies: in 2 vols. Vol. 2: World History]. Moscow; Jerusalem: Universitetskaya kniga Publ., Gesharim Publ., pp. 16–27.

Karpyuk, S.G., Kulishova, O.V., 2018a. 'Akademik S.A. Zhebelev, poslednie gody: stenogramma zasedaniya akademicheskikh institutov v Tashkente 31 yanvarya 1942 g.' ['Last years of S.A. Zhebelyov, Member of the Academy: Shorthand Record of the Academic Meeting in Tashkent, January 31, 1942'], *Vestnik drevnei istorii*, 78(1), pp. 88–112.

Karpyuk, S.G., Kulishova, O.V., 2018b. 'Predvoennaya drevnyaya istoriya: S.A. Zhebelev i sovetsko-germanskije nauchnye svyazi v 1939–1941 gg.' ['Ancient History be-

fore the War: S.A. Zhebelyov and Soviet-German Scientific Connections in 1939–1941’], *Vestnik drevnei istorii*, 78(2), pp. 389–404.

Kirillova, M.N., 2020. “Ya — faktopoklonnik”: S.A. Zhebelev i sovetskaya nauka o drevnosti v nachale 1930-kh gg.’ [“I’m a Factlover”: Segey Zhebelyov and Soviet Ancient History in the Early 1930s’], *Elektronnyi nauchno-obrazovatel’nyi zhurnal “Istoriya”*, 11(1). Available at: <https://history.jes.su/s207987840008205-4-1/> (Accessed 13 Apr. 2021). doi: 10.18254/S207987840008205-4

Kostenko, N.Iu., 2021. Arkhiv O.M. ‘Freidenberg kak intentsiya: motivy i tselepolaganie’ [‘O.M. Freidenberg’s personal archive as intention: Motives and goal-setting’], *Shagi/Steps*, 7(1), pp. 168–182. doi: 10.22394/2412-9410-2021-7-1-168-182

Kostenko, N.Yu., 2017. ‘Chetyre pis’ma O.M. Freidenberg’ [‘Four Letters by Olga Freidenberg’], *Vestnik RGGU. Seriya “Istoriya. Filologiya. Kul’turologiya. Vostokovedenie”*, (4), pp. 142–148.

Kostenko, N.Yu., 2018. ‘Tri pis’ma Ol’gi Freidenberg’ [‘Three Letters by Olga Freidenberg’], *Vestnik RGGU. Seriya “Istoriya. Filologiya. Kul’turologiya. Vostokovedenie”*, (3), pp. 138–152.

Rohde, E., 1900. *Der Griechische Roman und seine Vorlaufer* [The Greek Novel and its Predecessors]. 2. Aufl. Leipzig: Breitkopf und Hartel.

Shishkin, V.A., 2003. ‘Akademik S.A. Zhebelev i ego konflikt s partiei i nauchnoi byurokratiei (1928 g.)’ [‘Academician S.A. Zhebelev and his conflict with the Communist party and scientific bureaucracy’], in Kolchinkiy E.I., Medvedev I.P. (eds) *Russkaya nauka v biographicheskikh ocherkakh* [Russian Science in Biographical Sketches]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., pp. 288–295.

Tunkina, I.V., 2000. “Delo” akademika Zhebeleva’ [“Case” of academician S.A. Zhebelev’], in *Drevniy mir i my: Klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii* [Ancient World and Us: Classical Heritage in Europe and Russia], iss. 2. St. Petersburg, pp. 116–161.

Zhebelev, S.A., 1993. [Predislovie k avtonekrologu]; Avtonekrolog’ [‘Foreword to autonecrology’]; Autonecrology’], compilation and comments by I.V Tunkina, E.D. Frolov, *Vestnik drevnei istorii*, (2), pp. 173–201.